

1902 г.

1 СЕНТЯБРЯ.

№ 17.

ИЗВѢСТІЯ ПО С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХІИ,

ИЗДАВАЕМЫЯ ПРИ

„ОТДЫХЪ ХРИСТІАНИНА“.

СОДЕРЖАНІЕ:

Отдѣлъ официальный: Высочайшія награды. — Опредѣленія Святейшаго Синода. — Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

Отдѣлъ неофициальный: Почва для пастырской дѣятельности въ настоящее время. — Два дня въ Черниговѣ. — Интересное письмо.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная ул., № 6.

1902.

ИЗВѢСТІЯ

по С.-Петербуржской Епархіи,

издаваемая при журналѣ „ОТДЫХЪ ХРИСТІАНИНА“.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Высочайшія награды.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу опредѣненія Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволилъ въ 31 день мая текущаго года, причислить протоіерея Хмерской Покровской церкви, Лужскаго уѣзда, Андрея Грузинскаго, по случаю исполнившагося 50-ти лѣтня служенія его въ священномъ санѣ, къ ордену Св. Владиміра 4 ст.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 3 день августа сего 1902 г., на разрѣшеніе принять и носить настоятелю Посольской церкви въ Вѣнѣ, протоіерею Александру Николаевскому, пожалованнаго ему Его Высочествомъ Княземъ Черногорскимъ ордена Князя Данила II степени со звѣздою, установленнаго за независимость Черной Горы.

Впредѣленія Святѣйшаго Синода.

Священникъ С.-Петербургскаго Андреевскаго, что на Васильевскомъ островѣ, собора Викторъ **Благовѣщенскій**, за непрерывное въ теченіе 6-ти лѣтъ совершеніе богослуженій и требъ при церкви Академіи Художествъ Святѣйшимъ Синодомъ награжденъ Синодальнымъ наперснымъ крестомъ, 13 августа.

Указомъ Св. Синода, отъ 7 августа 1902 года за № 6003, увеличено содержаніе причту Ново-Пятницкой Св. Архистратига Михаила церкви, Ямбургскаго уѣзда, до 400 руб. въ годъ, для чего прибавлено: священнику получающему — 240 руб. (60 руб.) и псаломщику (получающему 80 руб.) — 20 руб., съ отнесеніемъ сего расхода, всего въ суммѣ восьмидесяти рублей въ годъ, съ будущаго 1903 года, на счетъ кредита ассигнуемаго изъ казны по п. 6 ст. 1 финансовой смѣты Святѣйшаго Синода.

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

Въ дополненіе къ объявленію, напечатанному въ № 16 „Извѣстій по С.-Петербургской Епархіи“. С.-Петербургская Духовная Консисторія даетъ знать духовенству, что кромѣ предметовъ, указанныхъ въ томъ объявленіи, на обсужденіе Епархіальнаго Съѣзда духовенства имѣютъ быть предложены: два вопроса отъ Правленія Эмеритальной кассы духовенства — 1) о возмѣщеніи кассѣ за 1900, 1901 и 1902 годы ежегоднаго взноса по 486 р. 21 к., падашаго на Морской Богоявленскій соборъ и прекратившагося съ переходомъ названнаго собора въ военное вѣдомство, — и 2) объ обязательности взносовъ къ кассу отъ вновь поступающихъ на службу священно-церковнослужителей, — и одинъ вопросъ отъ Комитета Епархіальнаго свѣчнаго завода: объ ежегодномъ отчисленіи всѣхъ нераспределенныхъ остатковъ чистыхъ прибылей завода въ составъ оборотнаго его капитала, доколѣ послѣдній не достигнетъ размѣра, достаточнаго для полнаго обезпеченія покупной способности завода.

Опредѣленіемъ С.-Петербургскаго Епархіальнаго Начальства, отъ 24 мая — 1 іюня сего 1902 г., настоятелю Староладожскаго Николаевскаго монастыря, игумену **Арсенію** разрѣшено принять въ названный монастырь, на полное содержаніе, шесть уволенныхъ изъ С.-Петербургской Духовной Семинаріи воспитанниковъ, для практическаго приготовленія къ псаломщической службѣ и, по надлежащемъ обученіи ихъ церковному уставу, чтенію и пѣнію, а также по испытаніи въ правилахъ нравственности и благоповеденія, рекомендовать Епархіальному Начальству въ качествѣ кандидатовъ для занятія псаломщическихъ мѣстъ.

Опредѣлены на священническую вакансію: къ церкви 2-го уѣздища Московско-Нарвскаго Отдѣла Общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ въ С.-Петербургѣ, кандидатъ богословія С.-Петербургской Духовной Академіи священникъ **Михаилъ Поповъ** съ 12 августа; **на діаконскую вакансію:** къ Православной церкви въ Висбаденѣ, на окладѣ псаломщика, діаконъ церкви Бобруйскаго дисциплинарнаго баталіона **Сергій Полевой**, 20-го августа; **на псаломщическія вакансіи:** къ церкви Успенскаго городского кладбища, въ С.-Петербургѣ, діаконъ, на вакансіи псаломщика, Бобруйскаго военно-крѣпостнаго собора **Владиміръ Сергіевскій** согласно прошенію, 20 августа; третьяго псаломщика къ церкви Преображенскаго городского кладбища, въ С.-Петербургѣ, сынъ умершаго священника церкви села Вейно, Гдовскаго уѣзда, **Петръ Рѣдкинскій**, 20 августа; и. д. псаломщика къ Веготской церкви, Новоладожскаго уѣзда, сынъ умершаго псаломщика **Николай Заборовскій**, согласно прошенію, 22 августа; **просфорней** къ Смоленской церкви, что за Невской заставой, вдова псаломщика помянутой церкви **Зинаида Георгіевская**, согласно прошенію, 13 августа.

Перемѣщены на псаломщическія вакансіи: къ Лосицкой церкви, Гдовскаго уѣзда, діаконъ, на вакансіи псаломщика, церкви Троицкой Общины сестеръ милосердія въ г. С.-Петербургѣ, **Василій Козловъ** 22 августа; для пользы службы, къ Высоцкой церкви, Петергофскаго уѣзда, псаломщикъ церкви села Перечить Лужскаго уѣзда, **Иларіонъ Конзновъ** 22 августа.

Уволены отъ исполненія обязанностей псаломщика: при церкви Императорскаго Училища Правовѣднія, въ г. С.-Петербургѣ,

Михаиль **Ошомковъ**, согласно прошенію, 21 августа; по болѣзни, при Высоцкой церкви, Петергофскаго уѣзда, псаломщикъ **Василій Смирновъ**, 22 августа; отъ должности просфорни Горской Знаменской церкви, Лужскаго уѣзда, дочь умершаго діакона **Марія Романская**, согласно прошенію, 22 августа.

Уволены въ отпускъ: Благочинный 1-го округа С.-Петербургскаго уѣзда, протоіерей церкви Александровскаго механическаго завода въ г. С.-Петербургѣ, **Василій Мудролюбовъ**, съ 21 августа по 18 сентября. Настоятель С.-Петербургской Благовѣщенской Васильеостровской церкви, протоіерей **Іоаннъ Демкинъ** съ 1 сентября по 1 ноября. Іеромонахъ Троицко-Сергіевой пустыни **Александръ**, съ 12 августа по 9 сентября. Іеродіаконъ Староладожскаго Николаевскаго монастыря **Мелхиседекъ**, съ 12 августа по 26 сентября. Настоятель православной русской церкви въ г. Ниццѣ, протоіерей **Сергѣй Любимовъ** съ 15 августа по 15 сентября.

Утверждены въ должности старостъ: къ Александро-Невской церкви, что при Новоладожской городской тюрьмѣ, приписной къ Новоладожскому Николаевскому собору, Новоладожскій мѣщанинъ **Иванъ Николаевъ Горулевъ** на 1-е трехлѣтіе, 22 августа. Покровской церкви, при С.-Петербургской мѣщанской богадѣльнѣ С.-Петербургскій мѣщанинъ **Иванъ Петровъ Федоровъ**, на первое трехлѣтіе, 20 августа. Къ села-Ириновскаго Преображенской церкви, Шлиссельбургскаго уѣзда, крестьянинъ **Алексѣй Николаевъ Суворовъ** на 1 трехлѣтіе, 16 августа. Къ Копорской Успенской церкви, Петергофскаго уѣзда, крестьянинъ **Тимоѣей Емельяновъ** на 5 трехлѣтіе и къ Мотоховской Іоанно-Предтеченской церкви, Новоладожскаго уѣзда, крестьянинъ **Василій Ивановъ Сатинъ** на 1 трехлѣтіе, 14 августа.

Утверждены на третье трехлѣтіе: предсѣдателемъ Врудскаго Церковно-Приходскаго Попечительства — священникъ мѣстной церкви **Алексій Медвѣдковъ**, дѣлопроизводителемъ — крестьянинъ **Прокопій Криковъ** и казначеемъ — крестьянинъ **Иванъ Левкинъ**, 21 августа.

Назначенъ въ составъ комиссіи по опредѣленію границъ С.-Петербургскихъ приходовъ — священникъ С.-Петербургской Спасо-Сѣнновской церкви **Евгеній Кондратьевъ** 13 августа.

Почва для пастырской дѣятельности въ настоящее время.

Среди современнаго духовенства часто слышатся жалобы на то, что настоящее время крайне неблагопріятно для пастырской дѣятельности. Нельзя не признать, что эти жалобы въ значительной долѣ основательны. Дѣйствительно, интересы образованнаго общества такъ отчуждились отъ религіи, что самому опытному пастырю не легко проникнуть даже до слуха образованныхъ людей. Въ народѣ же постоянно нарождаются новыя секты, часто отторгающія отъ православной Церкви цѣлыя деревни; борьба съ этими сектами становится все труднѣе и труднѣе, особенно же въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, какъ на примѣръ у духоборовъ, къ религіознымъ заблужденіямъ примѣшиваются и политическія. Живучь еще и расколъ, находящій для себя тысячи приверженцевъ не только въ глухихъ углахъ нашего отечества, но даже и въ столицахъ, гдѣ его поддерживаетъ богатое купечество. Вообще, въ настоящіе дни предъ пастыремъ возникаетъ столько препятствій, что у нѣкоторыхъ изъ пастырей возникаетъ даже мысль, не представляетъ ли современное состояніе общества и народа, если не совершенно безплодной пустыни для пастырства, то прохожаго пути или тернистаго угла, гдѣ всякое сѣмя благодати заглушается сорными травами безвѣрія, религіознаго равнодушія и сектанскихъ заблужденій? Но эта мысль является крайностью. Внимательное наблюденіе надъ современною жизнью показываетъ, что при всѣхъ отрицательныхъ сторонахъ, въ ней замѣчаются и такія явленія, которыя даютъ возможность надѣяться на успѣхъ пастырской дѣятельности, если только послѣдняя будетъ цѣлесообразно направлена.

Такъ, среди образованнаго общества теперь пробуждается интересъ къ религіозно-нравственнымъ вопросамъ; недавнее еще почти безраздѣльное господство позитивно-эволюціоннаго міровоззрѣнія теперь уже не удовлетворяетъ нашу интеллигенцію, и въ ней понемногу начинаетъ говорить вѣчная потребность челоуѣческаго духа—отъ условнаго возвышаться къ безусловному, отъ земнаго къ небесному. Французскій ученый Леруа-Булье, изучавшій русскую жизнь, пришелъ къ тому заключенію, что русская душа по своей природѣ всегда стремится къ началамъ христіанской религіи и морали, даже въ тѣхъ случаяхъ, если теоретическая мысль челоуѣка совершенно безрелигіозна. Этимъ положеніемъ онъ объясняетъ то явленіе, что наши знаменитые романисты—Достоевскій, Толстой, Тургеневъ,—несмотря на свое реалистическое направленіе, постоянно, однако, выводятъ въ своихъ романахъ искателей „правды вѣчной и душевной красоты“. Подобно этому и большинство нашихъ публицистовъ постоянно вносятъ въ экономическія системы, заимствованныя съ запада, идеалистическія стремленія къ *нравственной правдѣ*, какъ конечной цѣли челоуѣческаго существованія. Такія особенности русскаго творчества—художественнаго и публистическаго—уже сами по себѣ свидѣтельствуютъ о томъ, что наша интеллигенція, хотя и удалилась теоретически отъ христіанства, однако по своему нравственному состоянію никогда не была враждебна его возвышенному ученію о самоотверженіи и любви къ ближнему. Этимъ настроеніемъ нашей интеллигенціи и объясняется, главнымъ образомъ, ея увлеченіе ученіемъ Толстого, которое, будучи крайне неудовлетворительнымъ въ своихъ теоретическихъ основаніяхъ, сумѣло, однако, выяснить жизненное значеніе христіанства и показать то нравственное самоудовлетвореніе, какое изъ него получается. Въ послѣднее же время наша интеллигенція ищетъ для себя духовнаго удовлетворенія въ своеобразномъ эстетическомъ мистицизмѣ, оккультизмѣ (возрожденной магіи), необуддизмѣ, а также и въ сектанствѣ—пашковщинѣ и штундизмѣ *).

*) Художественное изображеніе этихъ религіозныхъ исканій на-

временной интеллигенціи возникаютъ, конечно, внѣ ограды Православной Церкви, положительное ученіе которой пока еще мало привлекаетъ вниманіе современныхъ искателей религіи. Наша интеллигенція слишкомъ долго находилась подъ вліяніемъ западной культуры, въ своихъ основахъ и цѣляхъ враждебной христіанству, и потому для нея не легко отрѣшиться отъ взгляда на всякую положительную религію, какъ на архаизмъ, враждебный прогрессу человѣчества. Поэтому она предпочитаетъ возникающіе у нея вопросы о Богѣ и совѣсти рѣшать такъ сказать на собственный страхъ, не прибѣгая къ какому-либо авторитету. Враждебное отношеніе интеллигенціи къ Церкви переходитъ и на пастырей: имъ не довѣряютъ, ихъ заподозрѣваютъ въ такъ называемомъ *клерикализмѣ*, т. е. въ стремленіи захватить въ свои руки всѣ стороны общественной жизни и на все наложить отпечатокъ аскетизма и религіозной исключительности. Что же дѣлать пастырю, желающему преодолѣть эти препятствія и закинуть якорь христіанскаго назиданія въ среду современнаго общества, такъ упорно удаляющагося отъ церкви и ея вѣроученія? Прежде всего, пастырь, призванный дѣйствовать среди интеллигенціи, долженъ обладать настолько солиднымъ образованіемъ, чтобы быть въ состояніи понимать ея стремленія и потребности и оцѣнивать ихъ надлежащимъ образомъ. Только въ этомъ случаѣ для него откроется возможность сблизить свою пастырскую дѣятельность съ лучшими стремленіями общества и показать, что осуществленіе этихъ стремленій не только не исключается православіемъ, но въ болѣе высокой степени достигается именно въ немъ. Такъ слѣдуетъ относиться, напримѣръ, къ толстовщинѣ, свѣтскому сектанству, проповѣди безрелигіознаго самоотверженія и идеализма и т. п. Направленная такимъ образомъ пастырская дѣятельность получитъ интересъ въ глазахъ послѣдователей разбираемаго ученія; къ слову пастыря начнутъ прислушиваться, въ пастырѣ уже перестанутъ видѣть представителя схоластической мудрости, совер-

---

шей интеллигенціи представлено въ романѣ Боборыкина „Исповѣдники“, напечатанномъ въ „Вѣстникѣ Европы“ за текущій годъ.

шенно чуждаго современной жизни и ея потребностей. Послѣ этого пастырь можетъ опровергать и крайности извѣстнаго ученія, не боясь того, что въ его опроверженіи увидятъ проявленія фанатизма и ретроградности. Напротивъ, если пастырь начнетъ съ опроверженій, то станутъ ли его слушать послѣдователи опровергаемаго ученія? Представимъ себѣ, что безрелигіозный прежде человѣкъ вдохновился ученіемъ пашковцевъ о личномъ единеніи со Христомъ и нашелъ въ этомъ ученіи полное удовлетвореніе своей давно алкавшей душѣ, не сумѣвшей ничего найти въ православіи, кромѣ внѣшнихъ обрядовъ: станеть ли этотъ человѣкъ слушать, или вникать въ проповѣдь, если она начнется съ историческихъ доказательствъ въ пользу необходимости подчиненія іерархіи? Онъ съ послѣднею соединяетъ мысль о врагахъ Божіихъ и кипитъ негодованіемъ, прежде чѣмъ услышалъ первый доводъ. Припомнимъ дѣятельность ап. Павла въ Афинахъ (Дѣян. 17, 15—34). Осматривая этотъ городъ, св. апостоль возмутился духомъ при видѣ множества идоловъ (16 ст.). Но когда его привели въ ареопагъ и поставили посреди народной толпы, жаждавшей послушать новаго проповѣдника, онъ началъ свою проповѣдь не съ обличенія идолопоклонства, а съ похвалы набожности гражданъ, обнаружившейся въ постановкѣ жертвенника невѣдомому Богу (ст. 22—23). Этимъ вступленіемъ онъ расположилъ слушателей къ своему слову и, хотя нѣкоторые смѣялись надъ нимъ (ст. 31), однако нѣсколько мужей и женщинъ, выслушавъ доводы апостола о превосходствѣ Единаго Бога надъ идолами, обратились ко Христу (ст. 34). Не должна ли и дѣятельность современныхъ пастырей уподобляться этому примѣру изъ жизни великаго апостола языковъ? Не слѣдуетъ ли и имъ внимательно искать слѣдовъ поклоненія „невѣдомому Богу“ среди нашего образованнаго общества, чтобы отсюда начать свою проповѣдь о Христѣ? Отвѣтъ на это можетъ быть только утвердительный. Опыты въ этомъ направленіи уже дѣлаются въ современныхъ культурныхъ центрахъ — Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Казани и нѣкоторыхъ другихъ городахъ, а именно — учреждаются религіозно-просвѣтительныя общества, которыя для интеллигенціи устраи-

вають богословскія лекціи, издають книги и журналы и вообще стараются итти навстрѣчу пробудившимся религіознымъ стремленіямъ общества. Въ будущемъ возможно, конечно, расширеніе этихъ формъ пастырской дѣятельности, а также и появленіе новыхъ, и тогда пастырское воздѣйствіе на образованную среду станетъ, безъ сомнѣнія, замѣтнѣе и плодотворнѣе.

Что-же касается простого народа, то въ немъ замѣчается два главнѣйшихъ теченія — мистико-моральное одушевленіе, которымъ пользуются штундисты и пашковцы и, съ другой стороны, — преданность народа церковному строю, которая, будучи лишена пастырскаго просвѣтительнаго попеченія, даетъ почву для старообрядческаго раскола. Первое теченіе является обыкновенно тамъ, гдѣ у народа возникаетъ сознание кореннаго несогласія своей жизни съ нравственнымъ идеаломъ христіанства, представленномъ въ Евангеліи. Съ этимъ сознаниемъ обычно соединяется критическое отношеніе къ существующимъ церковнымъ постановленіямъ и обычаямъ, такъ какъ, по недостатку религіознаго просвѣщенія, народъ нашъ не въ состояніи усмотрѣть органическую связь всего церковнаго строя съ евангельскимъ закономъ любви и чистоты духовной. Особенно-же соблазнительна для народа въ такихъ случаяхъ является жизнь пастырей, если она уклоняется отъ требованій христіанской нравственности. Къ такимъ недостойнымъ пастырямъ сектанты примѣняютъ обличительную рѣчь Христа, направленную противъ книжниковъ и фарисеевъ (Матѣ. 23), и предпочитаютъ имъ самозванныхъ учителей, обѣщающихъ научить своихъ слушателей, какъ слѣдуетъ жить свято и богоугодно. Отвергнувъ такимъ образомъ церковь и іерархію, сектанты принимаютъ лишь тѣ установленія вѣры, которыя, по ихъ мнѣнію, вытекаютъ изъ основной заповѣди о любви и нравственномъ совершенствѣ, причемъ ученіе Новаго Завѣта о крещеніи, причащеніи и объ іерархіи понимаются ими духовно. Тѣ же догматы и обряды, которые не согласуются, по представленію сектантовъ, съ этою основною заповѣдью, сектантами отвергаются. При такомъ направленіи современнаго сектантства православнымъ пастырямъ предстоитъ трудная задача:

во-первыхъ, жить и дѣйствовать такъ, чтобы быть для прихожанъ олицетвореніемъ христіанской нравственности и, вторыхъ, насколько возможно расширить свою просвѣтительную и учительную дѣятельность и направить ее на разъясненіе того, что наши православные догматы и наши церковныя постановленія суть не только древніе и правильные, но и *истинно-святые*. Важность подобнаго именно направленія пастырскаго учительства несомнѣнна. Разъ сектанты отдѣляются отъ православной церкви изъ-за сомнѣнія въ нравственномъ значеніи и силѣ ея догматовъ и обрядовъ, долгъ пастыря, ревнующаго о спасеніи своихъ пасомыхъ, показать послѣднимъ, что безъ догматовъ о св. Троицѣ, о Божествѣ Иисуса Христа и о спасительныхъ Его страданіяхъ и смерти невозможно усвоить и осуществить содержанія той благодатной жизни, которая была предметомъ ученія Христа, и что, далѣе, всѣ церковныя обычаи и постановленія органически связаны съ христіанскимъ вѣроученіемъ и нравоученіемъ и представляютъ наилучшее средство для воспитанія человѣка въ духѣ вѣры и христіанской любви и для поддержанія въ немъ христіанскаго настроенія. Матеріаломъ для подобнаго рода учительской дѣятельности могутъ служить творенія св. отцевъ, изъ которыхъ многіе раскрывали спасительную сторону христіанскихъ догматовъ (особенно же Іоаннъ Дамаскинъ, Ефремъ Сиринъ, Іоаннъ Златоустъ, Григорій Богословъ, Григорій Нисскій и бл. Августинъ), а также наши богослужебныя книги, разумное знаніе которыхъ наилучшимъ образомъ раскрываетъ нравственное значеніе церковныхъ уставовъ и обрядовъ. Особую же и незамѣнимую пользу можетъ принести знаніе св. Библии: на ней исключительно основываются сектанты, ее же отлично долженъ изучить и православный пастырь, чтобы дать на основаніи Слова Божія надлежащій отвѣтъ всякому вопрошающему.

Второе теченіе—преданность народа церковному строю—также нуждается въ особомъ просвѣтительномъ руководствѣ со стороны пастырей. Въ русскомъ народѣ вѣками воспитывалась привязанность къ христіанской святынѣ, къ храму, къ богослуженію и церковнымъ обычаямъ. Но эта

привязанность далеко не всегда бывает сознательная и поэтому не всегда соединяется съ соотвѣтствующею жизнью совѣсти, ради которой собственно и установлены различные церковные обычаи. Кому изъ пастырей не извѣстенъ типъ торговца, который усердно посѣщаетъ храмъ Божій и исправно исполняетъ всѣ обрядовыя постановленія Церкви, а въ тоже время въ своей торговой дѣятельности руководится пословицей — „не обманешь, не продашь“? Если же кто-либо напомнить ему о необходимости для всякаго христіанина правдивости и честности, то на это послѣдуетъ обычный отвѣтъ: „святые люди и жили свято, а мы—люди грѣшныя, въ міру живемъ, а не въ пустынь“.

Эта привязанность къ обряду не только затемняетъ истинный духъ христіанства, но и переходитъ легко въ старообрядческое обрядовѣріе, гдѣ исключительное вниманіе вѣрующихъ обращается на преданность внѣшней формѣ. Понятно, что въ этомъ случаѣ пастырю слѣдуетъ направлять свою дѣятельность иначе, чѣмъ среди населенія, склоннаго къ рационалистическому сектанству. Здѣсь пасомые обращаютъ вниманіе не столько на нравственную и умственную высоту священника, а сколько на вѣрное храненіе имъ церковныхъ обычаевъ, освященныхъ авторитетомъ древности. Пастырь не долженъ, конечно, пренебрегать этой преданностью пасомыхъ церковному строю. Напротивъ, строгое и истовое исполненіе всѣхъ церковныхъ требованій относительно богослуженія, пастырской жизни и практики должно быть первою обязанностью священника въ мѣстности съ подобнымъ населеніемъ. Этимъ онъ пріобрѣтетъ авторитетъ въ глазахъ прихожанъ, заслужитъ ихъ уваженіе и довѣріе, и тогда уже можетъ съ полною надеждою на успѣхъ начать свою учительную дѣятельность, направленную на то, чтобы сознаніе пасомыхъ постепенно возводить отъ внѣшности ко внутреннему въ религіи, отъ соблюденія обрядовыхъ предписаній къ осуществленію нравственныхъ законовъ христіанства. Священнику при этомъ слѣдуетъ особенно подробно разъяснить то, что внѣшняя сторона христіанства имѣетъ значеніе второстепенное и вспомогательное по отношенію къ самому вѣроученію и нравоученію.

христіанскому, и что исполненіе нравственныхъ предписаній церкви обязательно и возможно, при помощи и благодати Божіей, для всякаго вѣрующаго человѣка, а не только для монаховъ и пустынниковъ.

Такимъ образомъ, современная жизнь въ Россіи—и образованнаго общества, и народа—не такъ уже безнадежна для пастырскаго воздѣйствія, какъ это можетъ представляться съ перваго взгляда. Нужно только, чтобы пастыри расширили и разнообразили формы своей дѣятельности, соотвѣтственно тѣмъ или другимъ потребностямъ вѣрующихъ, а главное — поставили церковное учительство на надлежащую высоту, и тогда пастырство и въ современной жизни пожнетъ обильную жатву. (Орл. Еп. Вѣд.).

А. С.

Два дня въ Черниговѣ.

(къ 9 Сентября).

Десяткамъ людей я рассказывалъ исторію своего путешествія въ Черниговъ и тогда же хотѣлъ напечатать во всеобщее свѣдѣніе, но лѣнь и кое-какія дѣлишки помѣшали исполненію желанія, а потомъ все и забылось, т. е. желаніе, а не самое событіе, которое врѣзалось въ моей памяти и осталось на вѣкъ. Совѣсть однако мучила при каждомъ взглядѣ на икону Святителя Θεодосія, на шейный образокъ и даже при одномъ словѣ „Черниговъ“. Если не скажу я — камни скажутъ, на мнѣ ляжетъ грѣхъ за то, что я бросилъ слѣпыхъ, не указавъ хорошей дороги, которую самъ нашелъ, за то, что лишаю надежды потерявшихъ всякую надежду и не далъ славы тому, кого прославилъ самъ Царь царствующихъ. Пора, давно пора покаяться публично въ моихъ ошибкахъ по поводу вѣры въ мощи и могущество святыхъ послѣ земного упокоенія. Единственное оправданіе, это—небрежное обращеніе, со стороны тѣхъ, кто вѣдаетъ этими дѣлами...

Когда распространился слухъ объ открытіи мощей св. Θεодосія Углицкаго, появились газетныя извѣстія и пошли разные толки, всего я наслышался; а потому, на вопросы

многихъ: поѣду ли я на открытіе, отвѣчалъ: чего я тамъ не видалъ! а самъ думалъ, что это новая продѣлка монаховъ для поправленія плохихъ обстоятельствъ. Ёдетъ публика съ открытія, опять разговоры, опять вопросы: поѣду ли я. Признаюсь, послѣ нѣсколькихъ такихъ вопросовъ я разсердился и въ небольшомъ обществѣ сказалъ: „если господину Θεодосію угодно меня видѣть, то пусть дастъ дѣло въ Черниговъ, а по пустякамъ я разѣзжать не намѣренъ“, вполнѣ увѣренъ бывши, что въ Черниговѣ мнѣ дѣла быть не можетъ; я—ни отъ кого независимъ, а желанія ѣхать никакого.

Сказанныя слова забыты; а чрезъ нѣсколько дней я неожиданно очутился по дѣлу въ Новгородъ Сѣверскій: отказать было нельзя: надо было видѣть предводителя дворянства и земскаго начальника. Дома я ихъ не засталъ; говорятъ: въ Черниговѣ на собраніи, вернутся не ранѣе какъ черезъ недѣлю. Что было дѣлать? Побылъ въ монастырѣ, отслужилъ панихиду 27 сентября, помолился и—въ Черниговъ. Ёхалъ въ первомъ классѣ по Курско-Кіевской ж. д. съ какой-то интеллигентной дамой, уже не молодой, разговорились о Черниговскомъ событіи; много смѣялись и рассказывали другъ другу изъ слышанныхъ анекдотовъ о духовенствѣ. Вдругъ изъ купѣ выходитъ какая-то молодая дама и обращается къ намъ съ вопросомъ: не изъ Чернигова ли мы и не можемъ ли рекомендовать ей, гдѣ тамъ можно остановиться. Я шутя предлагаю быть ея вожатымъ и тѣлохранителемъ, на что она отвѣтила, что ей не до шутокъ и ѣдетъ она по серьезному дѣлу. Вотъ ея рассказъ: „ѣду я первый разъ въ жизни изъ своего родного города Полтавы, гдѣ мужъ служить корпуснымъ наставникомъ; у меня ребенокъ болѣлъ экземой полгода; лѣчили доктора, но ничего не могли сдѣлать, въ послѣднее время ребенокъ расчесывался, что я принуждена была просиживать надъ нимъ цѣлыя ночи и очень утомилась; на дняхъ знакомые, побывавшіе въ Черниговѣ, прислали мнѣ деревянный образокъ св. Θεодосія Углицкаго; вечеромъ уложивъ ребенка въ постель, я помолилась, приложила образокъ къ болячкамъ (грѣшница) и сунула подъ подушку его, а сама сѣла около кровати на стражѣ по обыкновенію; ребенокъ заснулъ покойно, заснула и я, сидя, да такъ и проспала до

утра. Проснулась и испугалась за свой сонъ и за ребенка; смотрю и онъ проснулся и — здоровъ, а болячекъ экземы и слѣдовъ не осталось. О болѣзни моего ребенка многіе знали, а потому, по случаю чуда, корпусный священникъ взялъ образокъ въ церковь, отслужилъ молебенъ; а я дала обѣтъ поѣхать немедленно въ Черниговъ и поблагодарить Святителя“.

Прослушали этотъ разсказъ; и мнѣ, и моей интеллигентной спутницѣ сдѣлалось какъ-то неловко; оба замолчали; молодая дама ушла въ купэ къ ребенку. Но вотъ и станція Круты; я вышелъ на станцію, тѣснота, давка; сѣсть негдѣ. послѣ долгихъ поисковъ мѣста едва примостился; наблюдаю публику, прислушиваюсь къ разсказамъ: „Мальчикъ нѣмой проговорилъ“... „Померъ кто-то“... „Необыкновенная тишина была во время обхода съ мощами“... „Три дня не могли добиться приложиться къ мощамъ: такъ и уѣхали въ Москву“... „Жидовка въ отчаяніи принесла умирающаго ребенка и онъ выздоровѣлъ“... „На пятьдесятъ тысячъ рублей свѣчь продано“... „Образцовый порядокъ былъ, не грабили“...

Пришелъ еще поѣздъ, не знаю откуда; на вокзалъ ввели больную съ обрѣзанными косами, съ откинутой назадъ головой; лицо злое, неприятное, темное, особенно запечатлѣлось въ памяти, горничная держала рукой подъ затылокъ сквозь свернутый платокъ, а барыня вела подъ руку. Наконецъ подали и Черниговскій поѣздъ, въ который мы сѣли и поѣхали; тѣсно, душно; хотѣлось спать; поѣздъ двигается черепашьимъ шагомъ; я проклиная поѣздку и виновниковъ ея. Но вотъ и Черниговъ; проѣзжаю мимо собора, прямо на постоялый дворъ; умываюсь, переодеваюсь, ѣду по дѣлу; общаются устроить завтра; ладно; вернулся къ себѣ въ номеръ, пообедалъ, выспался, напился чаю и пошелъ осматривать городъ. Смотрѣть оказалось нечего; э! а соборъ-то! Прихожу въ большой соборъ; у дверей много нищихъ; въ притворѣ калѣки; народу много; прикладываются къ мощамъ, которые находятся на возвышеніи посреди собора; прохожу впередъ, ближе; что за диво, монаха ни одного, въ головахъ мощей стоитъ священникъ, въ ногахъ городской, внизу около ступеней другой, около котораго я остановился для наблю-

дений. Толпа двигается чинно, тихо, но тѣсно, такъ что негдѣ пальца просунуть; чрезъ нѣсколько времени подошли къ нижнему городовому два офицера, онъ раздвинулъ толпу и пропустилъ ихъ приложиться; прошло еще нѣсколько времени, городской оборотился ко мнѣ и говоритъ: не переждете, баринъ: вишь сколько народу, пожалуйте я васъ пропущу. И вотъ я въ шеренгѣ, въ тѣсотѣ, всхожу на первую ступень; вдругъ сзади раздался крикъ „идеть!“ я ступилъ на вторую, крикъ сильнѣе, „идеть, идеть, идеть!“ обращаюсь назадъ, нѣсколько чловѣкъ держатъ какую-то женщину, ее ломаютъ судороги и она кричитъ „идеть!“. Священникъ приказалъ скорѣе подвести ее къ мощамъ для успокоенія, толпа передала ее мнѣ на руки, я подхватилъ, но, несмотря на мою силу, едва справился и смогъ, и то при помощи городского, подтащить къ мощамъ. Священникъ наложилъ ей воздухъ на голову; въ это время она повернула лицо ко мнѣ и закричала: „а, пришелъ! а, пришелъ! а, пришелъ!“ тише-тише и умолкла, впавши въ безпамятство; ее взяли и снесли внизъ; а я, тутъ я моментально вспомнилъ, что я не хотѣлъ идти сюда и пришелъ по желанію угодника, а не по своему. Прости меня, господинъ мой Θεодосій! приложился къ рукамъ святителя: это не руки холоднаго трупа; приложился къ головѣ и почувствовалъ, что она покачнулася; я почувствовалъ угрызеніе совѣсти — я не былъ правъ; а потомъ въ груди сдѣлалось тепло, радостно; спускаюсь со ступеней, смотрю въ ногахъ Святителя горитъ масса свѣчей, и воскъ плыветъ на полъ. Дай и я поставлю рублевую свѣчу угоднику Божію. Еще сдѣлалось радостнѣе на сердцѣ; положилъ нѣсколько земныхъ поклоновъ и пошелъ за свѣчей. Но мысль быстрѣе вѣтра; думаю, какая будетъ польза, что моя свѣча сгоритъ и сплыветъ на полъ, какъ другія; не лучше ли эти деньги употребить, хотя бы половину, на бѣдныхъ, такъ и сдѣлалъ: подалъ рубль, взялъ свѣчу въ полтинникъ и получилъ сдачу 20 к., 15 к., 10 к., 3 к. и 2 коп.; моментально прошло мое экзальтированное состояніе; воткнулъ свѣчу, перекрестился и вонъ изъ церкви; на паперти налѣво протягиваетъ руку бѣдная женщина: даю 10 к., монахиня—2 к., на построение

храма мужикъ просить—3 коп. Остается въ рукѣ двугривенный и пятиалтынный: отдать нѣкому; вспомнилъ, что когда я шелъ въ церковь, то въ притворѣ сидѣли калѣки: отдамъ имъ; вернулся въ притворъ: пусто; ну, отдамъ тѣмъ же, которымъ уже подаль, выхожу—и тѣхъ нѣтъ, вѣрно ушли добычу дѣлить или къ другой церкви перешли; пошелъ въ другую церковь, спустился въ склепъ, тамъ помолился; народъ есть, а нищихъ нѣтъ; подходятъ новыя лица и калѣки есть, а никто не просить, всѣ молятся; обошелъ кругомъ обѣ церкви, осмотрѣлъ памятники, опять къ большому собору подошелъ,—нищихъ нѣтъ.

По упрямству своему я рѣшилъ не уходить домой, пока не отдамъ денегъ, ассигнованныхъ бѣднымъ; стою на паперти и думаю: не сдѣлалъ ли я, какъ Іуда, по евангелію, предлагавшій продать многоцѣнное миро и раздать деньги нищимъ? и мысленно обратился къ угоднику: господинъ мой Θεодосій, прости меня! Въ эту же минуту толпа, выходившая изъ церкви, вынесла на себѣ деревенскую дѣвку, хохлушку, которая въ безпамятствѣ упала у моихъ ногъ; одна рука ея легла на мои ноги; я хотѣлъ ее поднять, но окружающіе сказали: „оставь, она отойдетъ“. Однако она мѣшала выходившему изъ церкви народу; а потому я перенесъ ее на мостокъ, направо около собора, а самъ пошелъ искать нищихъ, поиски оказались безъ успѣха; наступали сумерки; опять помолился угоднику и захотѣлъ посмотреть, что дѣлается съ дѣвкой, которую я отнесъ на мостикъ. Подхожу: лежитъ одинокая съ закрытыми глазами, лицо въ поту, красная; взялъ за руку; пульсъ твердый; спрашиваю: „ну, что, полегчало?“ „Слава Богу, полегчало, посповидалась; та одна беда: нѣма у мене пятачечка подарыты Θεодосію“. Такъ вотъ кто нуждается въ деньгахъ, да не для себя, а для того же угодника Божія Θεодосія, желаетъ дать и не имѣеть! Моментально я опустилъ ей въ руку двугривенный и пятиалтынный; услышавъ монеты въ рукѣ, она приподнялась, глянула въ руку и вскрикнула „Θеодосію! Θεодосію! я тобі подарю серебряненьки,“—и слезы полились изъ ея глазъ, да и изъ моихъ тутъ же; и я ушелъ отъ нея безъ оглядки.

Назавтра побылъ у обѣдни, видѣлъ, какъ вели больную съ закинутой назадъ головой и отправился по своему дѣлу. Лица съ которыми я имѣлъ дѣло, еще живы, а потому я не имѣю возможности и не рѣшаюсь рассказать все то, что произошло со мной по волѣ Святителя Θεодосія; въ продолженіе шести часовъ я испыталъ слишкомъ много и въ началѣ даже укорилъ Святителя: „для того ли ты привелъ меня сюда, чтобы я испыталъ униженіе и оскорбленіе!“ а въ концѣ этихъ часовъ я гналъ извозчика: „скорѣе къ Св. Θεодосію, хотя издали поклонюсь и подамъ на рублевую свѣчу“, и жалѣлъ, что не буду имѣть возможности поклониться мощамъ и приложиться; не помню, было это на Покровъ или наканунѣ, я видѣлъ за обѣдней множество народа, а потому и отчаивался. Извозчикъ подвезъ меня къ воротамъ церковной ограды, я соскочилъ и чуть не бѣгу къ собору, не замѣчая ничего; вдругъ чувствую подъ ногами что-то мягкое — коверъ, посмотрѣлъ впередъ, въ дверяхъ собора стоитъ приставъ съ помощникомъ, полицейскіе, по обѣ стороны ковра сплошной стѣной народъ. Оторопѣлъ я, подбѣгаю къ приставу, спрашиваю: „что архіерея ждуть?“ „губернатора?“ никакъ нѣтъ; что-то странное случилось: во время вечерни народъ сталъ задыхаться принуждены были очистить церковь и провѣтрить;— „а пройти приложиться можно?“— пожалуйста. „Великій чудотворецъ Θεодисій, господинъ мой, неужели для меня грѣшнаго, сдѣлалъ ты это великое чудо, для того, чтобы удовлетворить мое сердечное желаніе? Прости меня и помилуй, и помолись обо мнѣ Царю небесному“. Церковь пуста, только за церковной вырубкой, въ углубленіи, я увидалъ нѣсколько человѣкъ лежащихъ или стоящихъ на полу. Свободно было молиться, приложиться и свѣчу поставить. Радостный вернулся я на постоянный дворъ, собралъ вещи и поѣхалъ на вокзалъ. Проезжая мимо собора, я подумалъ: хорошо здѣсь, если бы и умереть пришлось поближе къ святителю, то по добротѣ своей онъ замолилъ бы за меня у Господа.

Подъѣзжая къ Крутамъ, я вспомнилъ тѣсноту вокзала и поторопился выйти изъ вагона, чтобы занять мѣсто для ожиданія Кіевскаго поѣзда; только что сѣлъ за общій столъ,

подходить и садится рядомъ со мной дама, ду которой была закинута назадъ голова съ обрѣзанными косами; теперь она шла безъ помощи, провожатыя шли сзади и слѣдили за нею. Голова свободно поворачивается и наклоняется внизъ, лицо восторженное, свѣтлое, доброе; видно она перенесла страшную болѣзнь и выздоравливаетъ; спросила очая: голосъ пріятный; мѣшаетъ ложечкой и посмотрѣла на меня: «Спрашиваю, вамъ кажется лучше?» Слава Богу и Святителю Θεодосію. Три года меня тянули за косы назадъ, и я не могла разогнуть голову, а теперь вотъ видите. Поворачиваетъ голову и видимо рада радешенька. и отъ дѣла ж и урѣзан
«Чѣмъ угодилъ Господу Богу святитель Θεодосій Углицкій, потнашимъ исторіямъ не видно; судъ людской — не судъ Божій; кто считаетъ молитвы праведныхъ? кто можетъ счастье добрыхъ дѣла, творимыхъ тайнъ? Но мы видимъ послѣдствія ихъ: нетлѣнное тѣло, чудеса, необъяснимыя никакой наукой; я не вѣрилъ и вотъ — вѣрю. Скажу и тѣмъ, кто не вѣритъ: не спорьте напрасно, не тратьте словъ, идите и поѣзжайте въ Черниговъ, оглядите, наблюдайте, какъ и я; увидите и увѣрите. те, зованше ерѣ, увѣрѣнн ая бѣда доп, к дѣло по
«Слава Богу, посылающему намъ утѣшеніе въ бѣдахъ, дающему надежду отчаявшимсяъ въ ней! я кмѣя въ асобнѣ нѣ
«Онъ поѣздкѣ своей я рассказывалъ многимъ: кто вѣритъ, кто нѣтъ, одинъ докторъ рѣшилъ, что у меня неврастенія, да и смолкъ, — самъ видитъ, что сказалъ глупое слово. онд
«Во второй разъ я пріѣхалъ въ Черниговъ въ вѣтомъ же году; наканунѣ дня въ который былъ разбитъ поѣздъ съ новобранцами, въ тотъ Бахмачѣ, въ слѣдствіе чего моя поѣздка вышла безъ цѣли; пришлось пробыть цѣлый день, былъ у обѣдни, стоялъ близь раки Святителя Θεодосія; привнѣ подводили къ мощамъ шесты чловѣкъ; какого-то купца, — онъ откинулся назадъ и закричалъ: «что ты меня мучишь. Θεодосій!» въ это время я услыхалъ аромать отъ мощей такой, котораго во всю жизнь не слышалъ, да и вѣроятно, и не услышу; это было одно мгновение. д тлѣномъ е ано нѣовъ
«Въ январѣ слѣдующаго года кончилось мое дѣло, по молитвамъ Святителя Θεодосія, и весною я поѣхалъ поблагодарить его уже съ сестрой, въ третій празъ. нѣвнѣнко

Занявши номеръ въ гостиницѣ я умылся и вмѣстѣ съ сестрой отправился въ соборъ; тамъ разошлись; когда окончилась служба, я встрѣтился съ нею и слышу жалобу, что мощи лежатъ такъ глубоко въ ракъ, что она не могла достать до нихъ и приложиться: подумаль я, да и спрашиваю: „а что, ты умылась, идя въ церковь?“ Нѣтъ. „Ну поди умойся и тогда приходи, а я подожду здѣсь“. Побѣжала сестрица домой, умылась, бѣлье перемѣнила и прямо въ соборъ, возвращается ко мнѣ очень довольная. Слава Богу, приложилась, и какъ легко! и сама сіяетъ отъ удовольствія. Сейчасъ узнавъ, что я пишу эту памятную записку, просить: „и обо мнѣ напиши!“ Иконой Святителя, Θεодосія, приобрѣтенной въ то время, она дорожитъ болѣе, чѣмъ всѣми, которыя имѣеть.

Угоднику Божию Θεодосію, Черниговскому чудотворцу, дана власть цѣлить наши раны и язвы. Вѣрю я этому и говорю невѣрующимъ словами Евангелія: просите и дастся вамъ, толцте и отверзется. Не теряйте надежды: что невозможно у людей, то возможно у Бога; обратитесь къ нижнимъ и дойдете до Всевышняго. Сколько людей, получившихъ Божью помощь отъ Господа чрезъ угодника Его Θεодосія, молчатъ по дѣни, нерадѣнію, отъ ложнаго стыда и по другимъ причинамъ. Давно не было въ нашемъ отечествѣ такого великаго молитвенника за насъ грѣшныхъ, надо радоваться, а не сомнѣваться. Все написанное мною есть истинная правда: имѣя пятьдесятъ два года, порокъ сердца и одинъ нервный ударъ, я нахожу, что мнѣ лгать не къ чему. Алексѣй Емельяновичъ Корчагинъ. (Тул. Еп. Вѣд.).

Интересное письмо.
(Письмо на имя Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Сimeoна, Епископа Екатеринославскаго и Таганрогскаго, Мариупольскаго Узднаго Предводителя Дворянства).

Нѣсколько дней тому назадъ мнѣ посчастливилось участвовать въ скромномъ по внѣшности, но богатомъ по смыслу празднествѣ, которое несомнѣнно имѣеть поучительное зна-

ченіе и для духовенства, и для всего общества. Въ селѣ Голицыновкѣ, Бахмутскаго уѣзда, въ которомъ я не принимаю никакого участія въ общественныхъ дѣлахъ, прихожане Петро-Павловской церкви, безъ всякаго съ моей стороны вліянія, преподнесли 14 іюля ушедшему на покой священнику отцу Платону Алексѣевичу Данилову образъ Св. Апостоловъ Петра и Павла и священническое облаченіе по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія его службы въ священническомъ санѣ. Въ тотъ же день населеніе десяти колоній поселянъ-собственниковъ меннонитовъ прислали своего уполномоченнаго принести поздравленіе отцу Платону. Стало мнѣ извѣстнымъ, что и евреи села Голицыновки подносятъ отцу Платону адресъ съ выраженіемъ благодарности за творимое имъ для всѣхъ людей добро. Когда видишь вдругъ прорвавшимися человѣческія чувства почтенія и удивленія относительно какого-либо лица, невольно задаешься вопросомъ: откуда это? Въдь для этого сознательно ничего не дѣлалъ отецъ Платонъ, смиренный пастырь, жившій почти отшельникомъ и только удивленный создавшимся празднествомъ, скорѣе противъ его воли, чѣмъ по его желанію. Да, сознательно, съ предвзятой цѣлью снисканія всеобщихъ симпатій онъ ничего не дѣлалъ; напротивъ, своими строгими осужденіями пьянства, неприкрашенной правдивостью, одинаковымъ отношеніемъ къ богатымъ и бѣднымъ прихожанамъ, отшельнически строгимъ образомъ жизни онъ могъ скорѣе вызывать раздраженіе со стороны нѣкоторыхъ лицъ. Но отецъ Платонъ, будучи 42 года священникомъ въ с. Голицыновкѣ, неустанно, почти полвѣка, являлъ примѣръ добраго христіанина, стремившагося по мѣрѣ силъ исполнять Евангельскій завѣтъ: „отвергнись себя, возьми крестъ свой и слѣдуй за Мной..“ Тяжелъ этотъ подвигъ, но кто его подъялъ, тотъ проникаетъ въ тайники души людей, тайники, загроможденные обыденными себялюбивыми стремленіями, обыденнымъ внѣшнимъ хламомъ.

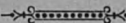
Вотъ почему личность отца Платона, болѣе 40 лѣтъ поражающая всѣхъ своимъ безкорыстіемъ, своимъ самоотверженіемъ, говоритъ душѣ всякаго, будь онъ православный, будь онъ меннонитъ, будь онъ еврей... Лично я рѣдко ви-

дѣлся съ отцомъ Платономъ; приходилось, правда, встрѣчаться съ нимъ въ бѣдной крестьянской хатѣ, куда онъ въ дурную зимнюю погоду пріѣзжалъ за десятокъ верстъ и приносилъ христіанское утѣшеніе тяжко-больному; помню также, что онъ, выйдя изъ хаты, поспѣшилъ удалиться, чтобы не получить никакихъ подаяній. Во всякомъ случаѣ, не личныя симпатіи къ отцу Платону дали мнѣ смѣлость обратиться къ Вашему Преосвященству, а другое соображеніе.

Отсутствіе лицъ духовнаго званія на празднествѣ отца Платона въ связи со скромностью виновника праздника вызываютъ во мнѣ опасенія, что Вашему Преосвященству не будетъ сообщено объ этомъ, какъ мнѣ казалось, знаменательномъ событіи. Вотъ почему я осмѣлился принять на себя обязанность доложить обо всемъ мною видѣнномъ и мною слышанномъ.

Смиренно прося благословенія Вашего Преосвященства, счастливъ случаемъ свидѣтельствовать чувства глубокаго почтенія и совершенной преданности

П. В. Каменскій.

Редакторъ Священникъ *А. Рождественскій.*

Печатать разрѣшается. Спб. 31 августа 1902 г. Протоіерей Философъ Орнатскій.

Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная улица, домъ № 6.